

Система представительства российского бизнеса: Формы коллективного действия / И. Бунин, А. Зудин, Б. Макаренко, Н. Назарова. М.: ЦПП-СИРЕ, 1997.
Совершенствование деятельности РСПП в 2004–2005 гг. / Под общ. ред. Департамента общественных связей РСПП. М., 2005.
Эксперт. 2001. № 39. 22 октября.

Katz R., Mair P. Changing Models of Party Organization and Democracy: The Emergence of Cartel Party // Party Politics. 1995. No 1.
Rokkan S. Models and Methods in the Comparative Study of Nation-Building: Paper prepared for a Preparatory Meeting on Problems of Nation-Building Brussels: UNESCO, 1967.

Е.А. Богданова
**СОВЕТСКИЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ИЛИ «В ОЖИДАНИИ ЗАБОТЫ»**

В статье рассматривается проблема дискурсивного производства права в условиях советского общества. Классическая либеральная теория представляет основания для того, чтобы считать советское общество неправовым. Возникает вопрос: если не право, то что, в условиях советского общества, регулировало правовые отношения? Адаптация категории права к советской реальности показывает, что регулировочную функцию в советском обществе выполняла официальная идеология. Типичная модель правовых отношений выстраивается по вертикали и с необходимостью включает основания иерархии и власти. Центральная идеологическая категорией, маркирующей отношения между «старшим» и «младшим», «сильным» и «слабым», является категория заботы. На основании анализа смыслов данной категории и порядка употребления ее в контексте идеологических текстов реконструируются официальные правила осуществления правовых отношений в условиях советского общества. Особое внимание уделяется позднесоветскому периоду конца 1950-х — середине 1980-х гг., непосредственно предшествовавшему реформам.

Введение

В последние годы в России проводится реформа правовой сферы. По мнению одних исследователей, либеральная традиция в российском обществе сдерживалась предшествовавшим современному советским режимом и сейчас наконец получила импульс к развитию. По мнению других, в России впервые предпринимается попытка заложить основы либерального порядка. Подтвердить или опровергнуть существование предпосылок для успешного становления правового общества в условиях постсоветской России исследователи пытаются, привлекая конкретные примеры социальных явлений из советской истории. Спорным, при этом, остается не только интерпретация

тех или иных эпизодов социальной жизни, но и само понимание и существование права в контексте советского общества.

Согласно многочисленным исследованиям (Воронина 1998; Соломон 1997 и др.), существуя номинально, право в советском обществе не выполняло своей классической функции регулирования социальных отношений. Российская исследовательница О. Воронина отмечает, что права были сформулированы, но, как правило, они не были известны гражданам, не были осознаны как права и не действовали так, как это было предписано законом (Воронина 1998: 76–105).

Данные выводы ставят под вопрос возможность применения классической либеральной теории, базирующейся на классическом понимании права, для объяснения советской правовой реальности. Категориальный аппарат либеральной теории не позволяет адекватно операционализировать действительные регулирующие механизмы советского общества, а специфика этических аспектов советского права остается нераспознанной и нераскрытой.

В одной из своих статей, затрагивающей проблемы права в современном правовом обществе, российский философ М. Шугуров справедливо отмечает: «Право — барометр устойчивости общественных систем. Если это место оказывается пустым, на его месте оказываются новые юрисдикции» (Шугуров 2005: 79–94). Целью написания данной статьи является стремление разобраться в том, какие именно механизмы компенсировали функцию права в регулировании социальных и правовых отношений в условиях советского — и, особенно, позднесоветского общества. Действуя на протяжении советских десятилетий, данные механизмы успели сформировать устойчивые модели правового поведения граждан. Воспроизведение данных моделей в современных условиях влияет на процессы формирования правового общества. Какие роли были предписаны участникам правовых отношений, какими были правила выстраивания правовых отношений в условиях советского общества и являются ли они, в классическом смысле, правовыми — вопросы, определившие структуру и содержание статьи. Первым шагом для ответа на них является адаптация категории права к советской реальности.

Классическое понимание права и советский опыт

Для того чтобы адаптировать категорию классического права к советской реальности, необходимо выделить основные характеристики и функции его в условиях правового общества.

Как уже было сказано выше, в правовом обществе право представляет собой центральный нормативный регулятор общественной жизни. Закрепленное законом право, во-первых, определяет строгие правила игры внутри социума, а, во-вторых, представляет некие общие, разделенные членами данного социума, начала. Воспользовавшись определением исходного тезиса теории правового порядка И. Канта, можно заключить: «только в праве возможно соединение целей всех». Право в правовом обществе, таким об-

разом, являет принятие позиции единообразного толкования и исполнения законов. При таком понимании метафоричность, отход от буквального, собственного, прямого смысла недопустимы для права.

Важнейшим условием существования права как основы общественного существования является субъективность, понимаемая как активное и ответственной начало бытия в нормативно устроенном обществе (Шугуров 2005: 81). Европейской цивилизации свойственна предельно высокая оценка правового плана бытия субъективности, где субъектность приравнивается к правовой идентичности. Субъектность предстает в концентрированном виде в праве (Там же).

Классическое право апеллирует к некой нормативной субъектности, обладающей стабильной идентичностью, вмещающей, самоотчетной, рефлексивной и ориентированной на право. Как таковая, нормативная субъектность соизмеряет свое поведение с правом, контролирует себя, предусматривает и прогнозирует результаты своей деятельности (Там же: 82). Таким образом, в условиях правового общества право объективное — писаное, зафиксированное документально, и право субъективно осознанное и воспринятое гражданами, близки, если не идентичны. Гражданин как обладатель субъектности является осознанным потребителем права и, одновременно, его соавтором. Будучи разделенным всеми членами общества, право является центральной силой, регулирующей действия отдельного гражданина и все многообразие взаимодействий граждан.

Исследователи проблем правовых отношений в условиях советского общества делают акцент на неравенстве сторон граждан и государства в правовой практике (Воронина 1988: 78). «Государство выступало гарантом и дарителем прав отдельного человека. Государство само решало, какие права оно дарует гражданам, какие соблюдает, а за какие наказывает» (Там же).

В условиях советского общества писаное право и право, осознанное гражданами, представляют собой два разных дискурса. Дискурс писаного права в советском обществе не является всеобщим, разделенным знанием. В работе социолога О. Ворониной подчеркивается, что в 1970-е — 80-е гг. советским правительством был подписан ряд международных правовых документов — как, например, Всеобщая декларация прав человека, Билль о правах человека и пр. Однако эти документы не публиковались в широкой печати и не соблюдались на практике, вследствие чего были неизвестны ни государственным чиновникам, ни населению (Там же).

Презентация формальных норм и правил социальных отношений осуществлялась в условиях советского общества посредством идеологии. Выходившие широкими тиражами пособия агитационно-пропагандистской литературы, содержащие инструкции и распоряжения Партии и правительства, были легкодоступны и являлись собой кодекс социалистического общественного порядка. В рамках идеологического дискурса были сформулированы права и обязанности советских граждан. Они могли совпадать или не совпадать с теми, что зафиксированы законодательно. Они могли проговаривать-

ся прямо или следовать из каких-то непрекаемых социалистических постулатов.

Узурпировав право на авторство правовых отношений, государство монополизировало функцию эксперта в определении «правового» и «неправового», а также роль защитника социальной справедливости. Советские граждане не имели возможности участвовать в создании права и были вынуждены ориентироваться в правовых условиях, созданных государством. Соответственно, для решения любых правовых проблем необходимо было обращение к представителю власти. Не случайно единственной официальной возможностью оставаться интересам граждан на протяжении всей советской истории оставалась подача разного рода обращений, жалоб и заявлений в органы власти. Говоря о правовых отношениях в советском обществе, стоит говорить в первую очередь, об отношениях между гражданами и государственной властью.

Таким образом, действительные нормы, регулирующие правовые отношения в советском обществе, неочевидны. Они не следуют из официально закрепленных законодательных документов. Основным источником, транслирующим правовые нормы, является официальная идеология. За отсутствием единого источника, представляющего свод норм и правил правовых отношений, для их реконструкции необходим анализ общих тезисов официальной советской идеологии. С этой целью было проанализировано порядка 60 единиц идеологических изданий, транслирующих правила социалистических общественных отношений (в частности, и правовых), изданных, преимущественно, в период конца 1950-х — начала 1980-х гг. (см. литературу в конце статьи). По содержанию источники эмпирического материала представляют собой агитационно-пропагандистские пособия, издававшиеся в различных точках страны. Центральной идеологической категорией, определяющей характер и правила взаимоотношений между гражданами и государством, выделенной в ходе исследования текстов, стала категория «забота». Исследование способов репрезентации, интерпретации, порядка употребления категории «забота» в дискурсе советской официальной идеологии позволило выделить основную модель и специфические правила правовых отношений в советском обществе.

«Забота» в советской идеологии

Первоначально идея о том, что коммунистическая идеология рассматривает отношения между государством и советскими гражданами сквозь призму понятия «забота», была высказана политологами (Михайловская 1997). Попытка определить сферу властных отношений одной категорией исходит из специфики самих отношений и из той роли, которую играли слова в советском официальном дискурсе.

Советская идеология, воплощенная в текстах, имеет свой стиль и vocabular. Более того, именно стиль и слова делают советские тексты идеологическими. Слова идеологии выражают политические интенции режима, ха-

рактерные для советского социального порядка оттенки. Слова в советском дискурсе маркируют культурный код, стиль жизни, а равно и политическую позицию, степень лояльности и пр. Удачно определил специфику советского режима А. Блум, отметив в своей работе, что «В стране воцаряется не столько даже „идеократия“ — власть идей, сколько „логократия“ — власть слов» (Блум 1994). Советская власть, упрямив частную собственность и гражданское поприще — уже не силой традиции, а просто силой, — по сути, декретировала слово как единственный способ существования (Вайль, Генис 1998).

Анализ материала показал, что «забота» в том или ином смысле сохраняла позицию активно эксплуатируемой категории советского официального дискурса практически в течение всей эпохи существования советского общества. Более того, «забота» приобрела статус важной идеологической составляющей, категории политического языка. И. Сандомирская в своей «Книге о Родине» называет такими словами официального советского дискурса, позволяющие толковать политические иерархии (Сандомирская 2001: 211).

Перемещение на позицию центральной категории, определяющей характер общественных отношений в советском обществе, происходит по мере смягчения и «гуманизации» политического режима. К началу 1960-х гг. «забота» превращается в официальное код-правило взаимоотношений внутри советского общества, выражая логику социалистического патернализма. Наряду с правилами общих социальных норм, категория заботы определяет также нормы правовых отношений. Показательными в этом смысле являются тексты главных регулирующих нормативных государственных документов — советских Конституций. Так, если в Конституции 1936 г. категория «забота» не встречается ни разу, то в Конституции 1977 г. государственная концепция общественных отношений выражена следующим образом: «Советское общество — это общество, законом которого является *забота* всех о благе каждого и *забота* каждого о благе всех» (Конституция СССР 1977).

Согласно материалам агитационно-пропагандистской литературы, с конца 1950-х гг. объектом заботы становится все и вся. Если до второй половины 1950-х лет «забота» была преимущественно категорией, определяющей социальную политику в отношении маргинальных, нуждающихся в помощи групп: инвалидов, сирот, престарелых, то с середины 1950-х забота обращается на все слои общества, все социальные, профессиональные, возрастные группы. Дискурс «заботы» распространяется на различные аспекты социальной жизни. В тексте Конституции 1977 г. категория «забота» встречается 12 раз, определяя характер и правила отношений между разнообразными объектами и субъектами: «Трудовые коллективы..., заботятся о повышении их [членов коллектива — Е.Б.] политической сознательности, культуры и профессиональной квалификации» (Конституция 1977: Ст. 8). «Государство заботится об улучшении условий и охране труда...» (Там же: Ст. 21); «Это право гарантируется... заботой о престарелых гражданах и об инвалидах; другими формами социального обеспечения» (Там же: Ст. 43). В статье речь идет о праве на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни.

Многообразие социальных отношений осмысливается и представляется в официальной идеологии посредством категории заботы. Будучи привичной категорией, обозначающей отношения социальной политики, в поздние советские годы «забота» становится центральным кодом, определяющим характер социальных отношений советского общества.

На основе анализа эмпирического материала и справочной литературы удалось выделить три группы смыслов категории «забота»: «забота» как эмоциональное переживание (забота — тревога, волнение); «забота» как деятельность (забота — дело, задача); «забота» как определение деятельности с конкретной целью управления (надзор, контроль). Очевидно, что выделенные группы имеют точки соприкосновения и общие аспекты. Так, забота как деятельность подразумевает эмоциональное переживание — так же, которое сопровождается эмоциональным переживанием «заботы» (забота — опекать, контролировать, выраженные посредством категории «забота»). Диапазон смыслов категории «забота» чрезвычайно широк, что позволяет использовать ее для обозначения разнообразных видов социальных отношений — от частных, приватных, семейных, до политических.

В русском языке «забота» является важнейшей составляющей категорией «родительский инстинкт» (Инстинкт родительский 1953: 217), «родительские права и обязанности» (Родительские права и обязанности 1953: 600). В контексте патерналистской идеологии политизация категории оказалась вполне естественной. В категории «забота» изначально заложено позиционирование субъекта и объекта в отношениях зависимости и власти. При этом отношения, определяемые данной категорией, сохраняют оттенок снисходительной приватности. «Гибкость» смыслов категории наложила свой отпечаток на характер обозначаемых ею отношений власти и зависимости в официальном дискурсе, в частности, на два центральных принципа социалистических общественных отношений.

Принцип гуманности определил достоинство социалистического общества, уникальные в пространстве и во времени. Идеологические пособия изобилуют высказываниями, подобными следующему: «Только в социалистическом обществе женщина-мать окружена вниманием и заботой» (Забота советского государства 1949). Противопоставление капиталистического и социалистического строев обосновывалось во многом разной степенью гуманизированности общественных отношений: если в капиталистических странах «человек человеку волк», то в социалистических «человек человеку — Друг, товарищ и брат»*.

Согласно идеологическим текстам, «забота» — это то, что появилось в обществе с приходом советской власти: «Трудное было время. Разрушенное хозяйство, более четырех миллионов инвалидов, тысячи беспризорных и нищих получила в наследство Советская Республика. Обо всех надо было позаботиться» (Забота — государственная 1987). Согласно идеологическому дискурсу, укрепление социализма привнесло в жизнь граждан ощущение защищенности, которого не было в дореволюционном обществе. Это позволяло проиллюстриро-

* Слова из Программы КПСС, принятой XXII Съездом Коммунистической партии — один из принципов морального кодекса строителей коммунизма.

вать строки из советских пропагандистских изданий и опубликованных в них интервью: «Заработанные деньги на черный день не откладываются. Уверена, что наше государство и родные дети в беде меня не оставят» (Там же: 20). Никакой заботы об охране труда горняков на шахтах того времени [Царской России — Л.Б.] не было (Забота партии и правительства о шахтерах, 1952).

Принципы патернализма. Устойчивость этакратической модели взаимоотношений граждан и государства была возможна, в большой степени, благодаря тому, что государство гарантировало гражданам определенный минимум средств существования. Российский исследователь В. Радаев уточняет данный тезис, рассуждая о том, что в условиях социалистического общественного устройства «нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих» (Радаев 1991: 138).

Советский правовой порядок презентуется в идеологии как уникальный, организованный по особым правилам. В качестве доминирующей модели правовых отношений декларируется модель властно-гражданских отношений, осуществление которой предполагает ряд условий. Определя модель иерархических отношений, категория «забота» упрощает их и генерализирует. Согласно данной модели, основным агентом, осуществляющим заботу, является государство. Основным же агентом, проявление заботы о котором входит в нормы социалистического общества, является гражданин советского государства. В соответствии с этой моделью предписаны роли сильного, компетентного, «старшего» государства, и слабого, некомпетентного, «младшего» гражданина. В рамках идеологического дискурса советское государство выступает добрым, снисходительным покровителем, который обещает заботиться о своих подданных, оберегая их от возникновения правовых проблем. Исполнение предписанных ролей обеими сторонами взаимодействия являлось важным условием устойчивости системы правовых отношений советского общества. Обозначая отношения власти категорией «забота», официальный дискурс реализует смысл «заботы» как опеки, тревоги государства за своих граждан.

Приобретая статус категории политического языка, забота определяет особенности и оттенки модели правовых отношений, декларируемой советской идеологией. Правовые отношения выстраиваются по вертикали. В рамках модели выделяются объект и субъект заботы, связанные отношениями зависимости. Многообразие смыслов категории «забота» наделяют модель правовых отношений, ею определяемых, характерными чертами как политической, так и частной сфер взаимоотношений. Отношения власти, возникающие между гражданами и представителями власти по поводу решения правовых проблем, дополняются основаниями моральности и эмоциональности и, как следствие, выводятся из дискурса политического.

Особенности советской «заботы»

Анализ порядка и контекста употребления категории «забота» в рамках идеологического дискурса позволили определить критерии и нормы правовых отношений в условиях советского общества.

В официальном дискурсе «забота» возведена в ранг «обязанности», или «закона». Если вновь обратиться к Конституции, можно отметить, что составляющие общественной концепции советской законности выражаются следующим образом: «*Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР*» (Конституция 1977: Ст. 68). Другие примеры из агитационно-пропагандистских брошюр: «*Забота о человеке — закон нашей жизни*» (Забота о человеке 1960: 50). «*Все руководители обязаны предоставлять людям, утратившим частично трудоспособность, посильную заботу*» (Забота — государственная 1987: 41).

Советская «забота» тотальна в том смысле, что императив советской «заботы» конструируется в идеологии как «всеобъемлющей», «всепроникающей», «непрерывной». Согласно идеологическому дискурсу, забота «неотступна», «постоянна», «вечна». Таким образом, создается впечатление того, что о каждой сфере жизнедеятельности, о каждой социальной группе, даже о каждом отдельном индивиде постоянно заботились.

О заботе государства невозможно было забыть. О ней советским гражданам постоянно напоминали: когда человек отпраивался вечером в собственную постель, когда спешил утром на работу, отводил и забирал ребенка из детского сада. Каждое из этих действий сопровождалось негласным напоминанием: мирное небо над головой, рабочее место, детский сад, ясли, школа — все это результаты заботы государства о своих гражданах. Все, что имели и получали граждане, было субсидиями государства, выданными под этикеткой заботы.

Маска заботы позволяла проникать в частную жизнь людей. «*Родился новый человек. Он еще ничего не требует, но и он, и его мать уже окружены заботой... Растет молодой гражданин Советской Белоруссии, становится взрослым, начинает работать. Но и теперь заботу государства о себе он ощущает постоянно... Вот подошли пенсионные годы, но советское государство не покидает человека, не ослабнет забота о нем*» (Там же: 61). Смысл категории «забота» здесь вычитывается скорее из контекста. Это «неусыпное бдение» под названием «забота», подобно фукианскому паноптикуму (Фуко 1999), создавало впечатление беспрерывного контроля и реализовывало смысл заботы как контроля и надзора.

Категория «заботы» определяет самые общие правила правовых отношений советского общества. Права и обязанности граждан оказываются зависимы от субъективных критериев «заботы», устанавливаемых государством. Формализация таких аспектов «заботы», как ее направленность, форма, размер, эквивалент, определяет попытки выделить некие критерии.

Согласно советским идеологическим текстам, на «заботу» существовала норма. «Забота» могла исчисляться в рублях. Зачастую размер заботы был эквивалентен размеру пенсий, пособия, цене подарка. Забота могла быть расписана в свод правил, например того, как надо заботиться пионерам об октябрятах: «*Быть примерным, следить за своей манерой поведения. — Использовать голос как орудие воспитания — не кричать; — Внушать*

уверенность в себе; — Не сравнивать одного с другим; — Давать указания в утвердительной форме и т.д.» («Забота у нас такая» 1973: 20). Рублевый эквивалент, определенные правила заботы вносят относительную ясность в регулируемые «заботой» правовые отношения.

«Забота» невозможна. Забота со стороны «верхов» должна встречать благодарность со стороны «низов» — такова главная, осевая формула патерналистского устройства общества и социальной личности (Советский простой человек 1993: 16). Часто на заботу действительно отвечали: «*Книжка отзывов и предложений комитаты матери и ребенка полна благодарностей: каждому побывавшему здесь хочется поблагодарить за заботу, которая проявляется в нашей стране о детях*» (Забота о главном 1958: 19). Форма выражения благодарности могла быть разной: от слов до совершения трудового подвига и пр. Размер благодарности часто не был определен, так же как и размер «заботы». Это способствовало возникновению у граждан комплекса «неоплатного долга» перед государством, родителями, учителями, коллективом, партией, т. е. всеми, кто заботился.

В рамках официальной советской идеологии осуществляется попытка определить не только модель правовых отношений, но также их нормы и критерии. В рамках официальной идеологии формулируются некоторые правила, регулирующие общественные отношения между социальными группами и отдельными гражданами. Вместе с тем, опубличкованные в разнообразных идеологических изданиях, эти правила остаются неистематичными и неуниверсальными.

Между тем, употребление категории «забота» в идеологических текстах позволяет поддерживать в позднем советском обществе определенный правовой порядок. Репрезентация заботы государства о гражданах как постоянной и всеобъемлющей выполняет функцию поддержания внутренней дисциплины социалистического общества. В ответ на государственную заботу от граждан ожидается социальная дисциплинированность, то есть соблюдение прав других граждан. Соответственно, идеология выстраивает образ идеального правового порядка, агенты которого не нарушают социальный порядок в силу собственной сознательности и послушания. Основаниями для подобного поведения граждан должна быть их благодарность за усилия государства, прилагаемые к обеспечению безопасности и благополучия советских граждан. В официальных текстах речь почти никогда не идет о нарушении прав. Речь может идти об «отдельных недостатках», которые, как правило, представляются как «вопиющие случаи». Определение четких критериев и нормы правовых отношений в условиях такой идеальной правовой ситуации оказывается как бы лишним и ненужным.

В качестве первой особенности советской заботы можно выделить то, что субъект и объект заботы всегда четко определены. Согласно идеологическим представлениям, субъект всегда сильнее и выше в иерархической социальной структуре. Уже говорилось о том, что посредством «заботы» в советском дискурсе определялось множество разнообразных видов общественных взаимоотношений. Субъект и объект при этом могли меняться ролями, создавать разнообразные комбинации. Подобное употребление ка-

тегории формирует «плавающие» иерархии, воспроизводящие многообразие иерархических структур, в которые был включен советский гражданин: «Мать заботится о детях», «Государство заботится о матери», «Октябрю заботится об окружающей среде». «Пионеры заботятся об октябрятах», «Профсоюз заботится о рабочих», «Партия заботится о пенсионерах», «Коллектив заботится о развитии своих членов». Производств многочисленных связей взаимной заботы граждан друг о друге, в конечном итоге, выполняет функцию дополнительного социального контроля и самоконтроля.

Другая особенность советской заботы следует из предыдущей: субъект и объект заботы в официальном советском дискурсе, в подавляющем большинстве случаев, не совпадают. «Коммунистическая Партия, Советское правительство, вся наша страна неустанно заботится о здоровье школьников» (Забота семьи, 1975: 20). Или: «Наша медицина заботится о здоровье советских граждан» (Забота о благе народа 1964: 14). Если вернуться к смыслу категории «забота», то очевидно, что подобное распределение ролей и выделение объекта и субъекта заботы заложено в одной из интерпретаций смысла этого понятия (забота как попечение о ком-либо).

Из наблюдений, сделанных в ходе анализа эмпирического материала, можно сделать следующие выводы: во-первых, проявление заботы о ком-либо является важнейшим морально-этическим правилом советских общественных отношений. Выполнение этого правила поощряется, а невыполнение строго наказывается как серьезный моральный проступок. Изобилие цитат, извлеченных из материалов для агитационной и пропагандистской работы, свидетельствует о том, что идеологи прикладывали немалые усилия для того, чтобы донести данный тезис до граждан. В результате, ожидаемые заботы как постороннего вмешательства в решение частных проблем стало не ожиданием желаемого, но ожиданием непременно должного.

Во-вторых, правилами советских общественных отношений допускаются проявление заботы обо всех и обо всем, кроме самого себя и своих личных проблем. Другими словами, советский гражданин должен проявлять заботу о других, но не может проявлять заботы о себе. Что касается личных проблем, то в этом случае допускается испросить заботы о себе, обратив, таким образом, внимание «старших» на свою проблему, как, например, в следующем случае: «Мы, работники комнаты матери и ребенка, считаем, что дирекция ГУМа должна позаботиться о расширении нашего помещения» (Забота о главном 1958: 19).

Следствием такого правила стало то, что можно назвать отчуждением проблемы. В ситуации, когда главным субъектом права становится государство, решение частных проблем перестает быть сферой компетенции граждан. Подобная специфика восприятия и способов решения частных, в том числе и правовых проблем граждан советского общества, кажется еще более отчетливой на фоне императивов западного общества: «это мои проблемы» и «это не мои проблемы». Проблемы, затрагивающие частные интересы человека западного общества, четко отграничены от всех других и определены как беспорно доминирующие. Императивом советского общества,

наоборот, является противоположная конструкция «Это наша общая проблема»: «Очищение нашего общества от врагов, хулиганов, взяточников, мошенников — это дело всех и каждого, это наша общая забота» (Забота общая 1984: 27). Занимаясь о решении проблемы — значит включать в решение проблемы. Возникает естественный вопрос: если кто-то берет на себя ваши проблемы, то зачем вам уметь их решать?

Заключение

Классические основания не позволяют считать советское общество правовым. Правовые отношения в советском обществе существуют вне приюта для правового общества сферы объективного права. Советское общество представляет пример уникального по своей природе правового порядка, центральная функция социальной регуляции в котором принадлежит официальной советской идеологии.

Категория «забота» рассмотрена в статье как центральная идеологическая составляющая, определяющая модель правовых отношений, их нормы и правила. Выбор данной категории автором идеологического дискурса — государством — можно оценить как удачный. Уникальность категории «забота» состоит в широком наборе смыслов, способных обозначать широкий спектр социальных отношений, от политических до частных, частных. Отчасти благодаря семантической «гибкости» категории, советской системе правовых отношений удалось сохранить устойчивость на протяжении десятилетий.

Доминирующая модель советских правовых отношений вертикальна, существует в сфере властно-гражданских взаимоотношений. Отношения между агентами в рамках данной модели строятся на основаниях отношений власти и зависимости. В рамках такой модели участникам предписаны роли: сильного, могущественного, старшего государства, и слабого, некомпетентного гражданина. Данные роли условны, однако именно они задают жесткие правила игры, позволяющие реализовывать правовые интересы как гражданам, так и государству в условиях советского общества.

В рамках официальной идеологии создается сложная система регулирования социальных отношений, при которой свобода ограничивается субъектом заботы. Если в правовом обществе, базирующемся на гражданской субъектности, субъектом заботы является сам гражданин, то в советской системе роль субъекта на себя берет государство, гражданину же отводится роль объекта государственной заботы. Являясь автором идеологии, государство является также автором советского дизайна правовых отношений. Объем прав граждан в рамках этого дизайна определяется государством. Предпочтительной при этом оказывается такая социальная ситуация, при которой объем прав граждан минимален.

Сфера правовых отношений встроена в систему социальных отношений, объединена с ней общими принципами и общим языком. Формулировки, определяющие порядок правовых отношений и критерии социальной справедливо-

